

Хроника, события, факты

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-128-136

Состоялся круглый стол «Россия 1917–2016 годов: проектирование вместо учреждения?» в рамках XXIII Международного симпозиума «Пути России. Север-Юг» (Московская высшая школа социальных и экономических наук, 19 марта 2016 года).

ПАВЛОВСКИЙ Глеб Олегович,
главный редактор,
Интернет-журнал «Гефтер»,
президент,
«Русский институт»,
г. Москва, Россия
gefter@gefter.ru

1. *Бутылка в океане.*

Я бы предпочел говорить о теме, которую бы назвал проблемным завещанием Михаила Гефтера. Однако Гефтер не оставлял никаких философских завещаний, и такая идея показалась бы ему безвкусной. С другой стороны, есть вопрос нестыкуемости мышления Гефтера со всеми почти дискуссиями его времени. Михаил Яковлевич, человек социабельный, дорого заплатил за уединенность на миру и после смерти почти выпал из дискурса об истории России и ее государственной загадке.

Это можно объяснить эффектом «бутылки в океане»: в конце концов, Гефтер необязательно принадлежал к тому сообществу, которое его окружало. Собеседники Гефтера могли остаться в том времени и той эпохе, что не сбылась, оставшись только возможной. Здесь мы приближаемся уже к собственно Гефтеру. Любимый пример Михаила Яковлевича – открытый мир 1945 года, победоносный, полный сил и намерений, но к 1950 году исчезнувший навсегда.

Несомненно, Гефтер не принадлежал к одной из тех России, которые нам известны. Я могу утверждать это тем уверенней, что приложил много напрасных усилий осовременить Гефтера, привязать его к той или иной эпохе с ее повесткой – политической, философской, историографической. Но его нет ни в одной. В то же время он непонятным образом общителен многим и наверняка – что доказано его разговорами – был готов говорить с любым.

Говорить – не принимая! Разговаривать – не соглашаясь жить продиктованным тебе образом. Он хранил верность той, как он бы сказал, несбывшейся России, за которую воевал, но которая потеряла шанс воплощения. Когда именно – об этом надо судить особо.

2. *Много России – ни одной единой России.*

Гефтер твердо настаивал на том, что нет такой вещи, как «единая история России». При этом, он не относился к скептикам, видящим в истории лишь недопустимое обращение с языком. Он согласился бы на словосочетание «история России» лишь на обложке, под которой описаны истории разных, неединых исторических «тел» (Гефтер: Россия – это мировое тело). Ни одно из них не вытекало из предыдущего и тем более не предполагало последующего. Но прослеживалось единство действия, заданное уникальным чудом монгольского нашествия.

Монголы, пройдя Евразией до Западной Европы, создали и организовали безгосударственное пространство экспансии (Гефтер), насыщенное переносимыми навыками и заимствованиями. Пространство, пронзенное потрясающей идеей: что эта необозримая территория может быть под единой властью. Мысль безумная, невозможная до тех пор для любого киевского и русского князя, да и для любого европейского короля. Но после краха империи, созданной Чингизом, идея осталась в наследство. Пространство экспансии превратилось в простор отсутствия власти.

Гефтер очень настаивал на безумии самой затеи Ивана IV: власти над пространством, не имеющим ни пределов, ни даже образа, и уж во всяком случае, не единого. Проект стал политической и психической болезнью царя Ивана. Болезнь нашла злодейски гениальную идею: превратить север глобуса в свой государев двор, а население, состоящее из бесконечно разных племен, поравнять с дворовым холопством. Возникает если не единая Евразия, то единая Гиперборея (по сей день один из официальных титулов канонической территории московского Патриарха). Причем холопская Гиперборея.

3. Власть без институтов: холоп как мобильный институт.

Крепежом, осью новой власти стало притязание на любое человеческое существо в этом пространстве как тотального подданного в масштабе. Здесь не банальное требование лояльности, а тотальное распоряжение всем человеком как микроинститутом контроля территории «всей Руси» в любой ее точке. Другие институты не нужны – пространство подданства там, где есть живой подданный. Человек превращен в подвижный и легко распоряжаемый, сверхмобильный «институт» власти. В ее порученца, прикрепленного не к земле, а к способу распоряжения им самим. Следующий за царем Грозным проектировщик, царь Петр, достроит модель до инновационного «вертикально-горизонтального рабства» (Гефтер).

Холопа – распоряжаемого держателя пространства по месту его жалкой жизни – скрещают со схемой вестернизации власти. Теперь ему не дадут просто обитать там, где он обитал (на это не посягал и человекоубийца Иван). Власть перебрасывает холопа с места на место, сохраняя за ним функцию инструмента держания пространства. Агент модернизации – раб империи: не надо двух слов, сказал бы Ленин, – это одно и то же.

Колонизуемым, равно и колонизатором, является сам подданный. Вольнолюбивые подданные, убегая на юг и восток от царя и крепостного контроля, становятся невольным орудием держания территорий. На плечах казаков и вольных охотников империя пришла туда, куда не дошли бы ее войска, – до таежных заимок и рыбацких поселков по обоим берегам Тихого океана.

Трудно сказать, насколько в этом деле продолжает еще существовать человек. Но он крепко держится за свою жизнь и в каких-то пределах даже ощущает себя свободным. Но его судьба – судьба русского, в имени которого ясно обозначена принадлежность, «комплектность» – становится судьбой биомеханического института власти.

4. Солдат разбитой армии.

Гефтер видел себя рядовым в том движении, которое, начавшись как «Великое Освободительное движение XIX века» (Милюков), закончилось русским коммунизмом и созданием СССР. Он настаивал на том, что со времени восстания декабристов в 1825-м до Беловежских соглашений в 1991-м была масса измен и несколько революций, но не было разрыва континуума с его проектом освобождения рабов.

В это почти двухсотлетие уместилась не одна «русская Атлантида» (термин Гефтера), и не одно поколение ушло под нож. В том числе его собственное – гефтерово. Но именно тут и тогда мировое тело России впервые начинает мыслить себя и говорить по-русски. Хотя впервые вопрос о России – чаадаевский вопрос – был точно поставлен на французском Петром Чаадаевым. Вопрос таков: как в колоссальной стране, перестроенной Петром в подражание европейскому человечеству, однако не пережившей европейского исторического опыта, стать родной частью европейской семьи?

Как «повторить воспитание человеческого рода» в пределах одной отдельно взятой страны? Гефтер настаивал: это роковой вопрос, которым, говорил он, «возможно, не следовало задаваться». Но что сделано, то сделано, и сонмы «русских горемык» двинулись путем от Чаадаева и Герцена до Чернышевского и Ленина в поисках ответа на вопрос.

Уже Чаадаев связал теологию русской истории с теологией освобождения – указав читателю на «рабскую почву под ногами». И он же первый объяснил тонкую, затем часто теряющуюся мысль – рабство двояко. Рабство подданного императора – и рабство у всемирной истории, отчасти добровольное. Рабство проектировщиков-реконструкторов, где интенсификация любого из полюсов освобождения ведет к усилению проектного рабства.

5. Мировая армия восставших рабов.

Гефтер до своего конца не соглашался потерять эту биографическую принадлежность. Но он и себя не считал биографически цельным существом. И, отправившись в поход в 1941 году (Михаил Яковлевич с неизменным удовольствием говорил о «нашем поколении, остановившем фашизм в России»), он, по совету Христа, «с тем, кто принудил идти с ним одно поприще» – прошел два.

Армия менялась не только со смертью главнокомандующих. Гефтер никогда не был безгласным рядовым и пытался, сколько мог, влиять на направление «долгого марша сквозь институты». В конце его старый левый знал, что пришел к месту окончательного поражения коммунизма: не коммунизма вообще, а своего коммунизма. Гефтер говорил о «внеземном, не при-

крепляемом к реальности происхождении коммунизма в России» и недоумевал: «в силу чего вообще эти две стихии смогли встретиться?»

6. Ленин как практикующий Чаадаев.

Гефтер не был защитником Владимира Ульянова (Ленина), хотя некоторым могло и так показаться. Гефтера увлекала судьба человека, пытавшегося отыграть за весь XIX век России, найдя чаадаевской проблеме окончательное решение. (Да-да, ленинский «эндлэзунг».) Дорожа этой судьбой, он ужасался ей и, страшно сказать, – обдумывал для себя. За те 25 лет, что мы с ним разговаривали, центр гефтерова внимания к Ленину сильно смещался. В конце жизни его умом завладел Ленин последних лет, уже смертельно больной, полупарализованный, но пытающийся дать свой последний бой. На этот раз – уже не политический, а метафизический бой, особенно обреченный.

Советское и российское обращение с проблемой Ленина Гефтер с презрением отклонял. На его взгляд, Ленин совершил именно то, что пытался и не смог совершить XIX век в его аболиционистском мейнстриме – как сказал бы Солженицын, «стремени», ведущем течении – освобождения холопов. Попытка Ленина оказалась политически успешной и оттого привела к самому страшному, что происходило с Россией. Нежелание русского общества – не говоря уж об исторической науке и, тем более, о марксистской теории – разобраться в теме Ленина казалось Гефтеру интеллектуально аморальным, а главное – убогим. Бегством России от домашнего задания, притом начального, не самого сложного.

Ленин и революция 1917 года еще должны быть поняты в их оборванной драматической, нескончаемо страшной эскалации. Поняты как неудавшаяся попытка России вернуться в Мир. Это не удалось к концу жизни Гефтера, не удаётся и по сей день.

7. Простор отсутствия Господина.

Вскоре после возникновения новой России Гефтер заговорил о провале. Еще не провале попытки сделать что-то, а провале-пробеле, еще одном просторе отсутствия на сокращенной территории Гипербореи.

Поначалу его вспугнуло скорей прошлое, чем будущее: опыт прошлого вдруг исчез из политики. Прошлое замолчало. Не одни «гранды гласности» отвернулись от русского опыта – от него отпрянули все. Он перестал быть нужным, но почему? «Все онемело», – сетовал Гефтер.

Но вскоре он стал более опасаться будущего. Простор отсутствия (термин Герцена – Гефтера) – особая ситуация. Это не «политический вакуум», заполняемый чем угодно, это запрос. Он ждет и взыскует себе Господина. Над беспечным, бестолковым российским хаосом нависла тень Распорядителя – причем там, где некому было распоряжаться, да может, и не нужно. Гефтер первый опознал в мнимом «хаосе» реконкиту минимонополий и микромонополий, поощряемую «реформаторами». Да, то еще был плюрализм – но плюрализм распорядителей людьми, а не самих людей. Немногие смели сражаться за свой ясно очерченный интерес – большинство билось за возвращение и переустройство Господина.

Фигура президента насторожила Михаила Яковлевича задолго до 1993 года: место без функции, фокусирующее беспредельные притязания, – знакомый симптом русской власти. Он ставил на Россию несовпадений, Россию как страну стран, федерацию разновеликих суверенов – и вдруг почувствовал, что еще раз проигрывает.

8. 1993.

После XX съезда некоторые звали Гефтера «сталинистом», поскольку он упорно настаивал на рефлексии эпохи – на самоотчетливости поворота партии и страны. Признания преступлений он требовал вместе с уважением к внутренней жизни и вменяемости преступившего общества.

Но так и в 1990-е годы Гефтер до последней возможности оставался «ельцинистом». После расстрела 4 октября я буквально вырвал у него выход из Президентского Совета. Но «ельцинист» Гефтер не любил Ельцина – он мыслил его как русскую фигуру. Вдумываясь в загадку появления, ее масштаб и непонятные тогда следствия.

Гефтер приветствовал Ельцина сперва вопреки Горбачеву – вопреки лидеру, так боявшемуся ошибаться, что кончил выдворением из собственного кабинета. Михаил Яковлевич приветствовал в Ельцине выход на сцену иной – дочаадаевской России. России, может, и невежественной, но альтернативной – благоразумно уклонившейся от мирового замаха и надрыва Чаадаева – Ульянова.

Вот одна из возможных несостоявшихся России Гефтера. Не обольщаясь Ельциным, он соблазнился отблеском у того платоновского начала. Часто цитируемая Гефтером ельцинская фраза «я рая не заслужил» и весь любопытный рассказ президента о рае как деревеньке, где каждый живет неподалеку от старых друзей, – будто с листа «Чевенгура».

И о 1993 году Гефтер говорил как о возвратном симптоме неоконченной революции 1917-го – не считая и тут, что расчет вполне состоялся. Дело не в том, что Гефтер брезгливо отшатнулся от крови 4 октября – он всегда с отвращением относился к пальбе со страху по людям. Главное же, он увидел событие конца. Конца едва начавшейся дороги России домой, чтобы жить с Миром в мире. В Ельцине 1993 года Гефтер распознал страшный пробел русской способности к нормальному существованию. Пробел, из которого сквозило чем-то еще худшим. Присказка «если мы не устроимся миром в России, то взорвем мир» стала у него после вторжения в Чечню окончательным анализом. В этот анализ вошла и необычная для русских готовность убивать попусту, и знакомая по концу 1940-х наша подлая готовность объяснять необъяснимое, с еще более презренной готовностью подчиняться. Такой набор свойств — клеймо мертвеца при жизни. Гефтер всегда любил платоновское определение фашизма: фашизм превращает человека в труп, но живой, очень активный труп.

9. Дочаадаевское шунтирование России.

Ошибся Гефтер – или, угадав начало, не угадал продолжения? Если рассмотреть Ельцина как архаическую, допетровскую фигуру если не из сказок Афанасьева, то времен Московского царства, – то куда углубился этот обходной шурф? Гефтер чувствовал, что не туда, и, говоря о «черной дыре Ельцина», испытывал сомнения насчет будущего. Стало привычным рассматривать ельцинское правление как промежуток – оборванную на взлете неудачу. Но что если шунтирование более чем удалось? Преемник Ельцина казался питерским западником, «немцем в Кремле», пока последние годы не переменяли образ... или дорисовали портрет?

Чем политически могла стать «контрреволюция революции Петра» – против ожидания Пушкина запоздавшая почти на 200 лет? Опять же, экспериментом, но теперь это был эксперимент нечаадаевской России. Кажущееся многим гефтеровское преувеличение осевой роли Чаадаева в XIX веке – осевом освободительном времени русской культуры – негативно подтвердилось. Русскость без Чаадаева и Герцена оказалась не нуждающейся в высокой русской культуре, даже тяготящейся ею. Но она не нуждается и в «древнем православии», а ее церковный эксперимент малоотличим от потех Петра и шутовского венчания карла с карлицей в Ледовом дворце.

Возникла Россия, как при Анне Иоанновне, озабоченная делами Европы, но не всерьез, и вовсе не видя причин извлекать некий опыт.

Можно сказать, что последний эксперимент с «проектом Россия» удался, как все прочие до него, неокончательно и не вполне. Полигон «Россия» принял еще одну «государственность», сформировав еще одну систему командования сил Гиперборей: Систему РФ.

10. Эксполярный полигон.

Гефтер называл Россию «Великий Маргинал». Он имел в виду, что пространство России возникло на пересечении движений Азии в Европу и Европы в Азию, но не одно это. Он определял Россию как «Азию, которая, отграничив собой Европу, окончательно ее доопределила... Россия – это Европа, вошедшая в тело Азии окончательно и навсегда. Она воздействовала на азиатские судьбы не извне, как это часто толкуют, но и на внутреннюю Азию самой России». Что-то подобное возможно имеет в виду Теодор Шанин, говоря об эксполярной экономике и шире – эксполярных режимах.

Гефтер же предпочитал метафору России как полигона Мира миров. Но полигон никак не может стать государством. Тем более, все еще оставаясь местом экспериментальной власти, порожденной неостановленной революцией 1917–2016 годов.